

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Н. С. Петровский

ЗВУКОВЫЕ ЗНАКИ
ЕГИПЕТСКОГО ПИСЬМА
КАК СИСТЕМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ответственный редактор
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Книга эта не нуждается ни в каких предисловиях. Написанная живо, интересно и очень ясно, она раскрывает перед читателем основы системы египетского иероглифического письма — письменности, которая с давних пор вызывала к себе большой интерес. Казалось, что надписи на стенах гробниц и храмов Древнего Египта и тексты на папирусах, которые находили в саркофагах, содержат какие-то необычайные магические знания и тайны. Многие ученые пытались расшифровать иероглифы, создавая совершенно фантастические гипотезы об их значении и видя в них особые символические изображения. Лишь в начале XIX в., когда Жан Франсуа Шампольон понял, что многие из этих иероглифов изображают не полные сокровенного смысла символы, а в основном всего лишь алфавитные знаки, началась научная разработка системы письма Древнего Египта. После множества ошибочных заключений и догадок иероглифы были расшифрованы, и оказалось, что в их числе есть не только алфавитные знаки, но и фонограммы других видов, а также значки-пояснители, не читаемые, но помогающие понять значение слов. Словом, перед учеными-египтологами письменность Древнего Египта предстала в виде сложной картины, смеси знаков самого различного характера. Какого-либо единства или системы иероглифические знаки не составляли — таково было единодушное мнение всех египтологов. Знаки эти обычно распределяли по характеру изображений — люди, животные, растения, строительные детали и т. п. — безотносительно к их звуковому значению.

Николай Сергеевич Петровский подошел к египетской письменности по-иному и попытался найти в этой пестрой смеси какое-то единство, какую-то систему, и это, по-моему, ему удалось. Он доказал, что древнеегипетская письменность представляет довольно сложную, но строгую систему письма, передающую морфемный строй языка, но притом учитывающую только согласные звуки. Это определяется тем, что языки семито-хамитской языковой семьи¹ используют гласные звуки для видоизменения корневой основы: глагольные основы при помощи гласных образуют различные видо-временные оттенки спряжения, в именных основах гласные передают различия единственного и множественного числа, причем способы образования множественного числа в этих языках гораздо многообразнее и богаче, чем в языках индоевропейской семьи. Словом, как в семитских, так и в других ветвях афразийских языков (берберских, чадских и кушитских) согласные звуки в той или иной степени образуют, так сказать, скелет, а гласные как бы облекают его

¹ Их теперь предлагается называть языками афразийской или эритрейской семьи.

Были ли сотни древнеегипетских звуковых знаков случайным скоплением фонограмм или представляли собой систему? Как звуковые знаки передавали звуки? Что такое египетские звуковые знаки по содержанию: буквы, слоги, слова? . . . Можно ли классифицировать эти знаки по звуковому принципу? Что представляет собой египетская письменность в целом? На эти вопросы до сих пор не было ответа, хотя дешифровка иероглифов была осуществлена 150 лет назад.

Н. С. Петровский впервые дает ответы на эти вопросы: на основе материала огромного количества письменных памятников и предложенного автором метода, в котором используются достижения современного системного подхода, ему удалось обнаружить строгий порядок в организации звуковых знаков.

П $\frac{70101-198}{013(02)-78}$ 211-78

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

в форму. То же мы видим и в древнеегипетском языке, где письмо состоит только из согласных, и потому мы можем считать, что консонантные основы на письме отражают морфемный строй языка. Это привело Н. С. Петровского к необходимому решению назвать иероглифическую систему письма Древнего Египта *консонантно-морфемно-идеографической*.

Чтобы понять, что иероглифические знаки составляют систему, а не просто совокупность значков разного типа, значения и характера, автору потребовалось много лет упорного труда. Достаточно взглянуть на приложения к книге таблицы, чтобы представить, как много сил вложено в это исследование. Зато теперь мы можем быть признательны автору за то, что он доказал правоту приведенных в эниграфе слов Платона, что бог письменности и мудрости Тот, один из величайших богов Древнего Египта, понял, что «между письменами существует единая связь, приводящая все к некоему единству».

Именно это единство и показал автор и тем самым открыл для дальнейших исследований новые пути, а именно в этом и заключается развитие науки.

Д. А. Ольдерогге

«Тот [древнеегипетский бог мудрости] понял, что между письменами существует единая связь, приводящая все к некоему единству».

Платон, Филеб, 18 с-д

 Видимо, не так уж много было народов, которые абсолютно самостоятельно создали свою систему письма, а не заимствовали ее (или хотя бы ее идею) у других народов. К таким народам мы прежде всего должны отнести древних египтян. Создание системы смешанного фонетико-идеографического письма, а внутри нее развитой системы (подсистемы) звуковых знаков, говорит, без сомнения, о своеобразии и оригинальности мышления древнеегипетского народа.

Процесс складывания системы «письменного языка» уходит в глубь тысячелетий, и это создание средства передачи информации через пространство и время до сих пор остается не меньшей тайной, чем рождение звуковой речи за сотни тысяч лет до этого.

Как известно, египетское письмо в его иероглифической форме и других видах — иератическом, полуиероглифическом и демотическом — просуществовало три с половиной тысячи лет, а затем сведения о нем были надолго утрачены. Лишь немногим более 150 лет назад гениальный Жан Франсуа Шампольон дешифровал египетские иероглифы, и в настоящее время египтологи знают значение отдельных идеографических и звуковых знаков всех видов письма и практически используют эти знания для правильного чтения текстов.

Последнее обстоятельство вызывает у египтологов и историков письма прагматический подход к египетской письменности, и поэтому как само собой разумеющийся факт система звуковых знаков представляется просто некоторой совокупностью звуковых знаков. По этой же, без сомнения, причине до сих пор никто не ставил и не пытался разрешить такой важный вопрос, как: существовала ли вообще какая-либо система звуковых знаков у египтян или случайно образовался и действовал тысячелетиями хаотический и беспорядочный набор из нескольких сот звуковых знаков. Практическим отражением этого пренебрежения к теоретическому вопросу является принятая в египтологии общая классификация всех иероглифических знаков, т. е. идеограмм и фонограмм вместе, только по их внешнему виду. В наиболее употребительную в настоящее время таблицу знаков Алана Гардинера включено свыше 800 знаков, разделенных по внешнему виду изображенных предметов на 26 классов (мужчина и его

занятия, женщина, человекообразные божества, части тела человека, млекопитающие, насекомые, строения, оружие, сосуды и т. д.)¹. Иератические знаки были классифицированы Георгом Мёллером также по внешнему виду их рисуночного прототипа².

Что касается идеограмм, трудно возразить что-либо против такой описательной классификации, но к звуковой стороне она явно не имеет никакого отношения. Вообще нет четкого представления об общем характере древнеегипетских знаков, передававших звуки, т. е. что они представляли собой не по форме (они, как и все египетские знаки, внешне являются рисунками предметов или восходят к таковым), а по характеру звукового элемента речи, с которой их можно было бы соотнести, т. е. по содержанию и происхождению. Чисто умозрительно их возводят либо к слогам, либо к словам³.

Нет сомнения, что разрешение этих основных, а также и других многих связанных с ними проблем имеет не только общетеоретическое значение, что уже важно, хотя бы с точки зрения уяснения процесса ненаправленной и бессознательной деятельности человека в создании письма. Ответ на эти вопросы, по нашему мнению, имел бы и некоторую прикладную ценность для египтологии, например для классификации звуковых знаков по звуковому принципу, для вторжения в область древнеегипетской фонологии и т. п. и, что не менее важно, для более глубокого понимания многих уже известных фактов и возбуждения новых идей.

Следовательно, тема проведенного нами исследования, целиком посвященная звуковым знакам как наиболее существенной и наименее изученной части древнеегипетского письма, вполне оправдана со многих точек зрения.

Но разрешимы ли все эти проблемы? На это следует дать утвердительный ответ, если подходить к совокупности египетских звуковых знаков не как к случайному скоплению знаков, а как к *системе*. И для этого, как нам представляется, имеются все основания.

Даже при поверхностном знакомстве с древнеегипетским письмом ни у кого, вероятно, не возникнет сомнений, что перед нами в полном смысле слова сложный объект исследования, элементы которого находятся во взаимосвязи, представляют органическое целое, обладают свойством иерархичности.

Это дает возможность рассматривать древнеегипетское письмо в целом и его составные части, в частности звуковые знаки, как системы, т. е. распространить на их исследование *системный*

¹ A. Gardiner, *Egyptian Grammar*, 3rd ed., London, 1957, p. 442—548.

² G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd 1—3, Leipzig, 1909—1912.

³ Поэтому не случайно отсутствует какое-либо единодушие или хотя бы приблизительное соответствие во взглядах при определении места системы египетской письменности среди других. Ее определяют то как «переходную», то как «неалфавитную», то как «иероглифическую» (!) и т. д.

подход, являющийся главной особенностью современного научного познания.

Следует иметь в виду при этом, что с момента дешифровки иероглифов в отношении к знакам египетского письма неоднократно использовалось понятие «система», но в обиходном смысле как объединение этих знаков, а ее изучение на самом деле ограничивалось отысканием значения простых элементов — отдельных знаков и их внешних видимых связей при написании слов.

Но в настоящее время изучение таких особенностей системы, как ее отдельные элементы, их взаимосвязь, соподчинение и целостность, уже является в какой-то мере само собой разумеющимся и тривиальным. Главное же, по-видимому, при изучении любой системы — это установление того, что образует эту систему как единое взаимосвязанное целое, как «организованную сложность», т. е. того, что является *системообразующим фактором*, внутренним механизмом существования системы, обеспечивающим ее функционирование. Поэтому настоящая книга — не изложение уже известного материала о письме древних египтян, а попытка исследовать с позиции системного подхода наиболее любопытную и не самоочевидную сторону египетского письма: *внутреннюю форму* организации системы (подсистемы) египетских звуковых знаков, т. е. их устойчивые внутренние связи, их *системообразующий фактор*.

Изучение всякой системы и даже ее отдельных аспектов требует особых методов исследования. Используя убедительные допущения классической египтологии о звуковом значении отдельных знаков, мы попытались разрешить эту проблему на основании некоторых научных принципов, соответствующих природе самих египетских звуковых знаков и возможности их членения. С этими принципами связан и предлагаемый нами общий абстрактный аналитический метод исследования, носящий внешне «геометризованный» характер; этот метод оказался в состоянии четко указывать положение элемента звукового знака в отношении элементов других звуковых знаков. Хотелось бы, чтобы у читателя книги не возникло никаких сомнений в том, что перед ним египтология, а не геометрия или алгебра. Как станет ясно в процессе изложения, прибегая к методу прямоугольных координат, мы не определяем положения точки с помощью чисел, а лишь фиксируем то, что дает египетский материал. Этот метод предлагается нами как единственная пока возможность мысленного расчленения знаков на простейшие элементы, не поддающиеся дальнейшему членению, для того чтобы максимально четко определить положение элементов звуковых знаков и изучить их общие свойства и отношения, т. е. для исследования внутренней *системообразующей формы* организации звуковых знаков.

Но при этом необходимо подчеркнуть, что предлагаемое исследование посвящено звуковым знакам египетского письма не в традиционном понимании классической египтологии, т. е.

речь пойдет не о том, как и е звуки речи передавали египетские письменные знаки, а как звуковые знаки передавали звуки речи. Короче говоря, мы будем заниматься не фонетической системой древнеегипетского языка, звуки речи которого известны настолько плохо, что для наших целей мы могли бы заменить принятую транслитерацию любыми другими символами, а организацией системы звуковых знаков египетской письменности.

Впрочем, сразу следует оговориться, что наше исследование полностью основано на том, что можно назвать общими допущениями классической египтологии, например значение знаков так называемого «алфавита» и их условный порядок, значение других фонограмм и т. д.

Но есть все основания полагать, что именно настоящее исследование, воссоздающее систему звуковых знаков на основе системного подхода, поможет перейти к решению проблемы реального качества звуков египетской речи, истинного соотношения между звуковыми знаками и звуками речи египетского языка и даже в конце концов к древнеегипетской фонологии и, может быть, некоторых других «инофонологических» систем смежных с египтянами древних народов.

Другая сторона исследования связана с внешней формой организации системы звуковых знаков, т. е. со структурой этой системы. Внешние связи фонограмм в письме, т. е. использование некоторых из них как фонетических дополнений, фонетических определений и т. п., упоминаются нами лишь вскользь как само собой разумеющееся и давно установленное в египтологии. Перед нами же стоял другой важный вопрос, а именно: что такое египетские фонограммы, т. е. с какой единицей потока речи они соотносимы? Эта проблема решалась нами иным путем — лингвистическим, так как истоки египетских звуковых знаков лежат не столько в сфере формы, сколько в сфере значения. Но предлагаемая нами классификация звуковых знаков как продолжение анализа тоже основана на упомянутом выше аналитическом методе.

Таким образом, задача исследования сводится к установлению внутренней (системообразующей) формы организации звуковых знаков как системы на низшем уровне элементарных подсистем, а также к определению генетического характера структурных элементов — звуковых знаков на том же уровне.

Ответ на последний вопрос дал бы нам возможность установить место египетской системы звуковых знаков среди других звуковых систем письма и, следовательно, выяснить общий характер всей системы египетского письма.

При чтении книги также следует иметь в виду следующие соображения.

Прежде всего — расположение материала. По всей видимости, не возникает каких-либо сомнений в целесообразности рассмотрения сначала эволюции взглядов на общую систему и подсистемы египетского письма вне системного подхода. Вряд ли они воз-

никнут и относительно необходимости специальной главы о возможностях применения системного подхода к египетскому письму. Но затем на первый взгляд логичнее, казалось бы, начинать исследование с внешней формы организации системы звуковых знаков, т. е. с ее структуры, а затем перейти к внутренней форме организации системы. Мы же в данной работе начинаем с невидимой внутренней формы организации, считая, что структура системы письма, т. е. ее элементарные подсистемы и их внешние связи, уже установлена классической египтологией. Поэтому мы лишь во вторую очередь останавливаемся на одном моменте, касающемся внешней формы организации системы: на генетическом характере звуковых знаков.

Далее, можно отметить, что в нашем исследовании речь идет не о каком-либо отдельном виде египетского письма (т. е. либо о иероглифическом — монументальном рисуночном письме, либо о линейных иероглифах, полуиероглифах — полускоростном письме, либо иератике — скоростном письме), а о всех этих видах письма в целом, так как все виды письма относились к одной и той же системе письменности, но для удобства мы в таблицах и тексте используем иероглифические начертания знаков.

В связи с этим уместно подчеркнуть, что происхождение указанных выше видов письма, т. е. внешних форм письменных знаков, полностью выходит за пределы нашего исследования. И если мы будем что-либо говорить о происхождении знаков, то это будет касаться только звуковых знаков и системы этих знаков в отношении звуковых единиц языка.

Нельзя не отметить также, что наше исследование распространяется только на те древние ступени развития египетского письма (III тыс. — середина II тыс. до н. э.), когда оно функционировало, отражая синтетические этапы развития древнеегипетского языка. Иначе говоря, наше исследование построено на материале текстов, написанных на староегипетском и среднеегипетском языках (т. е. языков письменных памятников Древнего, Среднего и начала Нового царства), и не касается эпохи более позднего аналитического этапа — новоегипетского языка, когда изменился не только грамматический строй, но и фонология, при сохранении прежней внешней формы организации системы письма, которая, разумеется, уже не соответствовала новому содержанию.

Последнее замечание касается точности наших числовых данных о количестве звуковых знаков вообще, о количестве фонограмм в каждой отдельной элементарной подсистеме, о количестве двусогласных звеньев, которые они образовывали, и т. д. Следует иметь в виду, что абсолютно точные исходные данные в указанных отношениях никогда не могут быть определены. Сомнительно, чтобы и древние египтяне знали какое-либо точное число своих иероглифов. К этому можно добавить, что, без сомнения, некоторые звуковые знаки до сих пор не обнаружены и, наоборот, некоторые знаки мы неверно рассматриваем как звуко-

вые, а у части знаков по разным причинам лишь приблизительно известен их звуковой состав (даже учитывая несовершенство принятой транслитерации в целом). Наконец, как только что было отмечено, мы были вынуждены рассматривать звуковые знаки огромного временного периода в связи с определенным этапом развития языка, а не в соответствии с письменными памятниками какого-либо ограниченного во времени периода. Таким образом, следует ясно представлять, что наши числовые данные носят не абсолютный, а относительный характер, точно так же как, например, не могут быть абсолютно точно определены ни количество морфем, ни количество слов в каком-либо языке.

Идея настоящего исследования возникла в 1952 г., когда автор приступил к чтению лекций по египетским языкам, письму и смежным дисциплинам на Восточном факультете Ленинградского университета. Тогда встал вопрос о классификации двусогласных и трехогласных звуковых знаков в чисто практических целях — чтобы студентам было легче их запомнить. Но это оказалось неразрешимой задачей — звуковые знаки потребовали изучения их с точки зрения какого-нибудь нового подхода. Понадобилось много времени, чтобы последовательно осуществить исследование проблем, возникавших одна за другой и одна из другой. Относительно быстро определив необходимость системного подхода, мы долго не могли найти метод мысленного анализа объектов — звуковых знаков, который бы не только фиксировал их элементы, но и наглядно устанавливал внутренние связи этих элементов, а также был бы пригоден для другой ступени анализа — классификации. Наконец, был найден и метод, правда, в несколько странной, «геометризированной» форме.

Впервые о результатах некоторых своих наблюдений автор сделал доклад, который назывался «О передаче двусогласного комплекса в египетской письменности (к вопросу о системе древнеегипетского письма)», 31 октября 1972 г. на II Всесоюзной конференции египтологов, посвященной 150-летию дешифровки египетских иероглифов. В дальнейшем основные положения книги обсуждались неоднократно. Так, на научных конференциях Восточного факультета Ленинградского университета, проходивших в декабре 1972 и декабре 1974 г., были подробно освещены вопросы метода анализа системы звуковых знаков и истории развития представлений о системе звуковых знаков⁴. В докладе,

⁴ См.: Н. С. Петровский, Метод анализа системы звуковых знаков древнеегипетского письма при помощи прямоугольных координат, — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Краткие тезисы научной конференции Восточного факультета, 11—18 декабря 1972 г.», Л., 1972, с. 40—42; е г о ж е, Развитие представлений о системе звуковых знаков древнеегипетского письма, — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 120-летию основания Восточного факультета ЛГУ (1854—1974)», Л., 1974, с. 37—38.

прочитанном 7 июля 1974 г. на заседании Кафедры истории стран Древнего Востока, была впервые показана возможность соотношения египетских фонограмм с морфемами.

Наконец, на заседании Сектора истории Древнего Востока Института востоковедения АН СССР 14 ноября 1974 г. были обсуждены все основные положения данного исследования.

К большому удовлетворению автора, эти сообщения были встречены с интересом, и ряд египтологов высказали интересные замечания, а также пожелания скорейшего опубликования работы.

Особенно автор благодарен академику проф. М. А. Коростовцеву (Москва), академику проф. Б. Б. Пиотровскому (Ленинград), члену-корреспонденту АН СССР проф. Д. А. Ольдерогге (Ленинград), академику проф. Ф. Хинтце (Берлин), члену Института проф. Х. Познеру (Париж), проф. М. Малинину (Париж), проф. Ж. Клеру (Париж).

В частности, проф. Д. А. Ольдерогге и проф. Ф. Хинтце при анализе таблиц высказали любопытную мысль, что не заполненные сочетаниями двух согласных «белые пятна» в наших таблицах могут послужить «окнами» для вторжения в инофонологические системы, например в мероистику. Проф. М. А. Коростовцев указал на возможность использования нашего метода и некоторых общих выводов при исследовании других звуковых систем письма.

Автор не может не выразить самой горячей признательности своим ученикам В. И. Петровской, О. Д. Берлеву, И. В. Виноградову, Р. А. Грибову за критические замечания и ценные советы, которые часто являлись для автора источником новых взглядов и доказательств.

В. И. Петровская не только первая оценила значение работы, но и самым настойчивым образом побуждала автора к ее скорейшему окончанию. Кроме того, именно ее статья, посвященная сопоставлению древнеегипетского «Толковника письменных знаков» с «Иероглификой» Горуполлона, обратила внимание автора на возможность сравнения предлагаемого нами метода исследования звуковых знаков по двусогласному принципу с методом, использовавшимся египтянами для запоминания этих знаков.

О. Д. Берлеву принадлежит ценное наблюдение, что и копты пользовались для запоминания букв таблицами, составленными по двусогласному принципу.

Наконец, автор не может не высказать благодарности не только всем, для кого некоторые положения затронутой темы представили интерес, но и тем, кто положительно и даже с воодушевлением отнеслись к данному исследованию в целом. Это прежде всего относится к Ю. А. Рознатовскому и Н. Е. Семпер (Москва).

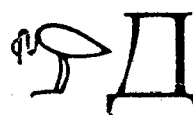
В заключение автору хотелось бы, чтобы его исследование, несколько отличающееся от традиционного в египтологии пони-

мания египетского письма и не претендующее на замкнутость, позволило и в дальнейшем выдвигать новые идеи и точки зрения, которые приблизят нас к правильной оценке еще большего количества фактов.

Тем самым автор выражает надежду, что настоящая работа в какой-то мере будет стимулировать развитие египтологии в области изучения письма, фонологии, языка и мышления древних египтян и, возможно, окажется полезной для изучения фонологии и системы письма некоторых смежных с египтянами народов древней Африки, а сам системный подход и, быть может, метод прямоугольных координат будут применены для исследования других «инофонологических» систем письма.

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ
(ПОДСИСТЕМЫ)
ЗВУКОВЫХ ЗНАКОВ
ДО СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для более четкого и ясного представления наших целей и задач в исследовании системы (подсистемы) звуковых знаков с точки зрения системного подхода представляется уместным обратить внимание не только на сделанные нами предварительные замечания во Введении, но и на изменение представлений об общей и подчиненных системах (в особенности системы, точнее, подсистемы звуковых знаков) египетского письма в то время, когда они изучались не как системные объекты.

Сразу следует оговориться, что мы ни в коем случае не имеем в виду излагать историю египтологии и взгляды каждого египтолога на древнеегипетское письмо. Нас интересует лишь развитие и смена основных идей и мнений по поводу системы и подсистем египетского письма.

Нет сомнений, что это развитие представлений тесно связано с историей дешифровки, которая заняла почти две тысячи лет и окончилась победой науки. Но при этом следует иметь в виду на первый взгляд парадоксальный факт, что хотя дешифровка уже давно завершена и на ее выводах зиждутся все успехи современной египтологии, тем не менее многие аспекты системы египетского письма до сих пор не только не ясны, но даже не намечены для изучения.

Поэтому в данный момент нас интересует, естественно, не история дешифровки, связанная с решением большого количества проблем (установление видов письма, их отношение друг к другу, определение значения отдельных знаков и т. д.), а история основных взглядов на систему египетского письма. К сожалению, оригинальные мнения и идеи (если они имеют место) в египтологических трудах не высказываются четко, а скрыты под проблемами дешифровки и происхождения иероглифов. Поэтому автору пришлось воссоздавать концептуальные модели взглядов отдель-